

УДК: 821.161.1.0

А.Н. Кошечко

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МИРООБРАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию проблемы генезиса экзистенциального сознания как философски-художественного феномена и способов его репрезентации в формах художественного письма в творчестве Ф.М. Достоевского. Анализ доминантных, формирующих характер психофизиологических особенностей личности писателя позволяет выявить уникальные черты экзистенциального сознания Достоевского, отличающие его от других авторов экзистенциальной мироориентации (эпилептическая конституция психики, «тоннельное сознание», механизмы творческого переживания «пограничных ситуаций», парадоксальность мышления, стиль торможения, смысловая многоуровневость текстов, «пограничные жанры», экзистенциальный диалог и т.д.).

Ключевые слова: экзистенциальное сознание, рефлексия, генезис, диалог, творческий метод, жанр.

Исследование творчества Ф.М. Достоевского, носителя и репрезентанта экзистенциального сознания в русской и мировой литературе, предполагает качественно новый взгляд на созданные им тексты во всем многообразии их сюжетно-тематического и жанрового воплощения. Сознание в данном случае – это метакатегория [1], реализующая себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования. Феноменологически целостный характер сознания определяется в первую очередь его системностью, в основе которой лежат психогенетические и ментально-мировоззренческие особенности личности писателя.

Все сказанное выше определяет цель настоящей статьи – исследование вопроса о генезисе уникальных черт экзистенциального сознания Достоевского, принципиально отличающих его от других авторов экзистенциальной мироориентации, через анализ доминантных, формирующих характер психофизиологических особенностей личности писателя. К числу таких особенностей мы относим эпилептическую конституцию психики, определяющую формы реакции личности на окружающий мир, механизмы переживания «пограничных ситуаций» и способы их художественного выражения. Нам представляется принципиально важным разделить, что является в экзистенциальном мышлении Достоевского универсальным (присутствует и у других авторов), а что определяет уникальный авторский миробраз, своеобразие форм словесного воплощения экзистенциального сознания.

Заявленная проблема исследования предполагает четкое терминологическое и методологическое самоопределение для избежания в дальнейшем неудобств, связанных с выбранной стратегией анализа.

Экзистенциальное сознание понимается нами как философски-художественный феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий текст писателя (повседневно-экси-

стенциальное сознание) и как тип художественного мышления, реализующий себя в различных формах художественного письма (художественное сознание). Подобное определение позволяет нам акцентировать бытийный статус экзистенциального сознания, его незакрепленность за конкретной литературной эпохой и национальной культурой¹. Поэтому русское художественное сознание пореформенной эпохи может быть обозначено как сознание экзистенциальное, несмотря на то, что ни в философской мысли, ни в языке XIX в. подобного термина не существовало. Используя терминологию У. Эко, можно сказать, что экзистенциализм – это «не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние» [3. С. 635], поэтому и рассматривать экзистенциальное сознание русских писателей XIX в. (Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова) и формы его воплощения необходимо не как пролегомены к западноевропейскому экзистенциализму XX в., а как особую фазу развития экзистенциального сознания, обладающую специфическими чертами.

Доминантными особенностями экзистенциального сознания являются субъективная переживаемость человеком себя в мире и мира в себе; интегративный характер (экзистенциальное сознание отражает представление о характере эпохи и мироощущении человека в ней, соединяет философские, культурно-исторические и литературно-художественные пласты). Экзистенциальное сознание, как указывалось выше, является метакатегорией, что позволяет говорить о его синтетическом характере, включающем в себя сферу традиционного психологического сознания как способность человека к рефлексии и саморегуляции, подсознание (в терминологии З. Фрейда и К.-Г. Юнга – «бессознательное») и собственно художественное сознание как присущей художникам слова еще одной формы объективации виртуальных мыслительных и эмоциональных процессов (которыми деятельность сознания, конечно же, не исчерпывается). Специфическая природа экзистенциального сознания позволяет нам говорить о его диалектичности, дающей возможность воспринимать любое явление, попавшее в его сферу, многоуровнево, в его многозначных связях с другими фактами и явлениями.

Сделанные нами замечания требуют постановки вопроса о методологии изучения экзистенциального сознания, имеющего сложную природу. По мысли М.М. Бахтина, «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» [4. С. 80].

В данном случае мы можем говорить о том, что через текст происходит открытие уже названных нами двух ипостасей экзистенциального сознания – повседневно-экзистенциальной и художественной, которые обладают как рядом сходных типологических черт, поскольку относятся к сфере сознания («свидетельство о жизни», структурность, системность, символический ха-

¹ Ср.: «Экзистенциальное сознание по своим истокам и возможностям философского и эстетического познания человека и бытия – феномен общечеловеческий и в значительной мере надисторический. Оно выразило различные типы сознания русского и европейского и явилось константной основой литературы разных периодов» [2. С. 26].

рактер и т.д.), так и специфических. Повседневное-экзистенциальное сознание – это проявление сугубо индивидуальных реакций личности на *реальные события* окружающего мира и духовной жизни, это предельно заостренная сфера человеческого Я во всем многообразии его субъективных проявлений (жизненный опыт, факты биографии, привычки, болезни, речь, жестикуляция, особенности мышления и т.д.). Художественное сознание – это «идеальная реальность (курсив мой. – А.К.) различных образов <...> сознание-результат, сознание-продукт духовного (идеального) освоения мира (курсив мой. – А.К.)», включающее в себя «различные виды духовной деятельности, в которых происходит целенаправленная <...> идеальная переработка и перевоссоздание (освоение) отражаемой субъектом действительности», это «система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и воспринимательскую) деятельность и ее продукты» [5. С. 5–7]. Повседневное-экзистенциальное и художественное сознания обладают целым рядом функциональных и мирообразных подсистем, позволяющих осмыслить одно и то же явление одновременно с разных позиций: мироотношение, мироощущение, миромоделирование. Данный постулат определяет стратегию диалогического взаимодействия исследователя с творческим универсумом Достоевского: от психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя – к миромоделирующим началам собственно творчества, к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и формам их воплощения в его художественной практике.

Системность экзистенциального сознания предполагает акцентирование в методологии исследования следующих смысловых доминант:

- 1) системообразующих начал экзистенциального сознания (психогенетические особенности личности писателя и их реализация в его поведенческом тексте, повседневное-экзистенциальное сознание);
- 2) атрибутивных характеристик экзистенциального сознания;
- 3) формально-содержательных элементов системы.

Анализ психофизиологических особенностей личности позволяет поставить проблему генезиса экзистенциального сознания и исследовать, как происходит открытие сознания в различных формах художественного письма (художественные тексты, публицистика, письма, дневники и т.д.) и в литературном процессе, исследовать феномен экзистенциального сознания как творческой, динамической системы, отражающей важнейшие эстетические открытия времени.

Отправной точкой наших размышлений о специфике воплощения экзистенциального сознания в творческой системе Достоевского является вопрос о системообразующих началах экзистенциального сознания, ответ на который невозможен без исследования источников формирования экзистенциального мирообраза. Невозможно игнорировать физиологические аспекты во взгляде на эту проблему, поскольку картина мира формируется в сознании художника на пересечении общечеловеческих и индивидуальных особенностей личности. В данном аспекте психогенетические особенности представляются универсальным базисом, присущим человеку независимо от этнической принадлежности, вероисповедания и социального статуса, в то время

как жизненный опыт писателя формирует уникальную манеру выражения универсального содержания. Повседневное-экзистенциальное сознание писателя определяется в первую очередь универсальной особенностью устройства нервной системы человека – функциональной асимметрией головного мозга [6]: специфика организации психических функций а priori определяет диалогичность мышления человека, постоянную потребность в собеседнике, в выражении своих мыслей вслух, адресно. Диалог с Другим или самим собой как Другим – органичная черта личности Достоевского, обусловленная его психогенетическими свойствами. Думается, что явление диалога в художественной форме отражает процесс постижения этих особенностей как способов выражения собственного «я», своеобразного кода к пониманию феномена межличностной коммуникации и вовлечения в процесс диалога экзистенциальных смыслов. Универсальные психогенетические свойства определяют мировосприятие Достоевского с поправкой на индивидуальные особенности личности писателя, в числе которых доминантными, по нашему убеждению, являются эпилептическая конституция психики и опыт проживания «пограничных ситуаций» собственной жизни, сопряженный с опытом проживания «пограничности» самой эпохи 1860–1870-х гг.

Вопрос об эпилепсии как психофизиологическом и психоментальном источнике экзистенциального сознания Достоевского требует целого ряда существенных уточнений. Сам факт наличия эпилепсии не становился предметом исследовательской рефлексии в аспекте генезиса художественного сознания. В работах, посвященных «знаменитым эпилептикам» Достоевскому, Флоберу, Джорджу Гордону Байрону, диагноз которых подтвержден наблюдениями психологов, психиатров, психофизиологов и т.д., кроме указания, что болезнь не повлияла на их гениальность и интеллектуальные способности, нет собственно исследования специфики художественного мышления писателя-эпилептика. В случае Достоевского принципиально важно, что он не просто страдал эпилепсией, а *осознавал себя эпилептиком*, болезнь была неотъемлемой частью его повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и его индивидуальный поведенческий текст, и особенности художественного мышления: «В последние годы она (болезнь. – А.К.) как будто ослабела, сделалась реже, но была постоянно в зависимости от напряжения в труде, от огорчений, от жизненных неудач, от той беспощадности, которой так много в нравах русской жизни и русской литературы. Приступы ее он чувствовал и начинал страдать невыразимо; невольно закрадывался в душу страх смерти во время припадка, болезненный, тупой страх, тот дамоклов меч, который висит над такими несчастными на самой тончайшей волосинке. Конечно, мы все знаем, что когда-нибудь умрем, что, может быть, завтра умрем, но это общее положение: оно не страшит нас или страшит только во время какой-нибудь опасности. У Достоевского эта опасность всегда присутствовала, он постоянно был как бы накануне смерти (курсив мой – А.К.): каждое дело, которое он затевал, каждый труд, любимая идея, любимый образ, выстраданный и совсем сложившийся в голове, – все это могло прерваться одним ударом. Сверх обыкновенных болезней, сверх обыкновенных случаев смерти у него был еще свой случай, своя специальная болезнь; привыкнуть к ней почти невозможно – так ужасны ее припадки. Уме-

реть в судорогах, в беспамьятстве, умереть в пять минут – надобна большая воля, чтоб под этой постоянной угрозой так работать, как работал он» [7. С. 465–466].

Все сказанное выше позволяет утверждать, что исследование вопроса о генезисе экзистенциального сознания и о том, какое место занимает в нем болезнь, позволит нам выявить специфические черты экзистенциального сознания Достоевского через анализ «свободных ассоциаций», используемых в психоанализе, как репрезентантов сознания: «...скрытое значение высказывания может быть выявлено только путем анализа так называемых "свободных ассоциаций" – не подвергнутых цензуре свободных высказываний, спонтанно произносимых говорящим в связи с определенной темой» [8. С. 129]. Исповедальный характер творчества Достоевского дает возможность исследователю принимать в качестве «свободных ассоциаций» текстовые репрезентации сознания писателя в «пограничных жанрах», в которых объектом осмысления наряду с прочими темами становится Я самого писателя, а его глубинные стороны проявляют себя в содержательной и структурной организации самого высказывания («Припадки», «Дневник лечения в Эмсе», «Дневник писателя» и т.д.). Стратегия работы с текстом, который является намного сложнее «свободных ассоциаций» пациента-психоаналитика, поскольку объектом интереса здесь становится сама личность автора, должна включать в себя анализ «фонологических, морфологических, синтаксических, подтекстуальных, повествовательных, риторических и контекстных» сторон литературного высказывания: «Осознание этих моментов позволяет понять суть бессознательных мотиваций литературных персонажей, подобно тому, как наличие клинической карты со свободными ассоциациями пациента приводит психоаналитика к успеху» [8. С. 130–131]. Проблема анализа репрезентации экзистенциального сознания – это проблема рецептивная, включающая в свою орбиту и восприятие читателя, шире – адресата высказывания, поскольку в опыт рефлексии болезни Достоевского входят воспоминания близких ему людей и современников.

В то же время все перечисленные нами источники не являются равнозначными, обладающими одинаковой смысловой и аналитической ценностью с точки зрения обнаружения особенностей текстовой репрезентации экзистенциального сознания. Критерием, выстраивающим иерархию этих источников, является приближенность к Я писателя:

- 1) устные и письменные свидетельства самого Достоевского, которые позволяют максимально приблизиться к сознанию писателя, являются выражением собственной правды о себе и о мире;
- 2) «Воспоминания» А.Г. Достоевской;
- 3) воспоминания, устные и письменные свидетельства близких людей и современников писателя.

В отдельную группу источников мы намеренно не включаем наблюдения специалистов-психиатров, психофизиологов, поскольку большинство из них оперируют преимущественно косвенными свидетельствами (в связи с невозможностью личного общения с Достоевским) и эпилепсия интересует их исключительно как явление медицинское, а не как феномен, способный продуцировать эстетическую реальность. Исключение составляют работы З. Фрейда, в

которых предпринимается попытка выявить связь эпилептической конституции психики Достоевского с особенностями его художественного письма.

Анализ автобиографических источников показывает, что припадки были для Достоевского неотъемлемой частью его жизни, при этом причина их возникновения до сих пор остается невыясненной. Эпилепсия – заболевание, в проявлении которого огромную роль играет наследственная предрасположенность к судорогам. Часто эта болезнь прослеживается не в одном, а в нескольких поколениях одной семьи, как было в семьях Достоевского, Тургенева и др.

Тот факт, что Достоевский серьезно относился к своим припадкам, подтверждают его записи, в которых он вербализирует осознание себя эпилептиком, сам говорит о своей болезни. Писатель не дает прямых указаний на причину своей болезни, первичный травмирующий импульс, за исключением воспоминаний об одном детском потрясении: в 11 лет его преследовали звуковые галлюцинации – крики о приближении диких зверей (например, «Волк бежит!»), ставшие основой одной из фобий Достоевского. К числу травмирующих факторов можно отнести и сложные отношения с отцом, о которых Достоевский, как правило, говорит очень осторожно и не дает подробных комментариев. Например, в письме к А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г. он пишет: «Более всего беспокоят меня за вас, друг мой, отношения ваши с отцом. Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), что подобные неприятности нестерпимы. <...> Характеры, как у вашего отца, – странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем; ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у вас с ним» [9. С. 127].

Ценным материалом самоанализа болезни являются «эго-тексты» Достоевского. Среди них особо выделяются «Припадки» (1869) и «Дневник лечения в Эмсе», представляющие собой уникальное средство самоописания, дающее представление о срезе сознания человека в момент фиксации своего психологического и физиологического состояния. Эти тексты своей формально-содержательной структурой реализуют идею незавершенности и открытости (неготовности), что наиболее соответствует природе человеческого сознания. «Припадки» и «Дневник лечения в Эмсе» интересны еще и тем, что являются примером экстравертной рефлексии человека, который никогда не вел личных, интимных дневников, практически не оставил прямых свидетельств о своей внутренней жизни¹, реализуя принципиальную установку на неприкосновенность частной жизни. В этих текстах он говорит именно о себе, об отчетливо осознаваемых им самим свойствах собственной личности, о собственном экзистенциальном опыте, которым становится болезнь.

«Дневник лечения в Эмсе» – уникальный текст, в котором Достоевский подробно описывает свое физическое и эмоциональное состояние до, во вре-

¹ Опытом своих интимных переживаний в молодости Достоевский делился только с одним человеком – старшим братом Михаилом Достоевским как человеком, предельно близким ему по духовным и мировоззренческим установкам. При этом «исповедальность» в письмах к брату тоже совершенно особая: многие идеи не проговариваются, а только намечаются, поскольку диалог идет преимущественно на уровне сознаний, диалог с единомышленником, который понимает и чувствует своего адресанта. Для зрелого Достоевского характерна предельная закрытость внутреннего мира и творческих задач от посторонних. Даже если в письмах он говорит о замыслах своих произведений или фактах общественной жизни, поразивших его, он акцентирует не личное, а общечеловеческое содержание событий.

мя и после припадков. Уникальность этого текста заключается еще и в том, что он не попадал в орбиту пристального исследовательского интереса и не рассматривался как текст сознания, предметом рефлексии которого становится собственная болезнь. Критическое отношение к болезни, своему характеру проявляется в том, что Достоевский фиксирует не только факты физического самочувствия, но и собственные эмоциональные реакции. Болезнь максимально усиливает переживание «пограничной ситуации» (1874 г.), актуализирует двойственность характера писателя, которую он сам в эти моменты предельно остро осознает. В связи с этим перед исследователем возникает задача осмыслить значение болезни в общей сумме экзистенциального опыта личности, в духовном опыте человека. Болезнь рассматривается писателем как источник положительного духовного опыта, поскольку сам факт рефлексии является знаком успешности преодоления личностью «пограничной ситуации».

В записных книжках и рабочих тетрадях писателя 1860–1880-х гг. зафиксировано около восьмидесяти приступов болезни. Даты еще примерно двадцати припадков можно установить по другим источникам (в частности, по воспоминаниям А.Г. Достоевской). Но и в этом случае картина будет не полной. Если принять во внимание свидетельство Н. Страхова, который утверждал, что обыкновенно припадки у Достоевского случались один раз в месяц, иногда – по два припадка в неделю, то окажется, что общее количество припадков исчисляется несколькими сотнями. При этом важен сам факт тяжелейшего физического, эмоционального и душевного потрясения писателя, необходимость в реабилитации, которая занимала в среднем от трех до пяти дней¹.

Эпилептическая конституция психики, резкие перемены настроения во многом определяют и реакцию Достоевского на события внешнего мира. Жизненный опыт писателя является уникальным примером переживания целого ряда «пограничных ситуаций»: детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, Инженерное училище, трагическая гибель отца, следствие по делу петрашевцев, пребывание в Алексеевском равелине, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка, опыт добровольного изгнанника в Европе в 1867–1871 годы в период своего вынужденного четырехлетнего пребывания за границей, смерть дочери и т.д. Это далеко не весь спектр ситуаций самоопределения Достоевского перед лицом смерти. Но для нас в данном случае важны не столько количественные, сколько качественные характеристики. Непрерывное смещение ценностных ориентиров, наложение одних нормативных принципов на другие, нахождение в «пограничных ситуациях», угрожавших ему нравственной смертью, – все это определило основную мировоззренческую задачу Достоевского – самоопределиться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно, не ожесточиться, не стать человеконенавистником, рассчитывать только на себя.

Среди широкого спектра биографических источников особое место занимают «Воспоминания» А.Г. Достоевской, которые представляют очень своеобразный источник наблюдений. Это эстетизированный вариант воспомина-

¹ Ср.: «...удрученное и подавленное настроение, которое всегда наступало после припадка, продолжалось более недели. "Как будто я потерял самое дорогое для меня существо в мире, точно я сжорнил кого, – таково мое настроение", – так всегда определял Федор Михайлович свое послеприпадочное состояние» [10. С. 133].

ний, художественно обработанные свидетельства о реально произошедших событиях (в отличие, скажем, от ее стенографического дневника, который отражает реальную картину). Текст дневника супруги писателя реализует не только задачу дать объективное свидетельство о фактах биографии Достоевского, но и создает, если можно так выразиться, облик писателя как творца, издателя, публициста, мужа, отца, друга, человека. Несмотря на то, что «Воспоминания» – это не собственно биография, не документальные материалы, тем не менее мы можем принимать свидетельства А.Г. Достоевской, поскольку она довольно точно описывает факты, характеризующие отношение Достоевского к своей болезни и достаточно много внимания в тексте уделяет припадкам, их влиянию на психоэмоциональное состояние писателя и творческий процесс.

Показательна в «Воспоминаниях» первая встреча Анны Григорьевны с Достоевским, в описании которой предельно остро проявляет себя позиция внимательного наблюдателя, стремящегося зафиксировать все детали первого впечатления: «...что меня поразило, так это его глаза; они были разные: один – карий, в другом зрачок расширен во весь глаз и радужины незаметно. Эта двойственность глаз придавала взгляду Достоевского какое-то загадочное выражение» [10. С. 68–69]. Эта особенность глаз является свидетельством недуга Достоевского, оставившего в его внешнем облике неоспоримое доказательство своего постоянного присутствия: «Во время приступа эпилепсии Федор Михайлович, падая, наткнулся на какой-то острый предмет и сильно поранил свой правый глаз. Он стал лечиться у профессора Юнге, и тот предписал впускать в глаз капли атропина, благодаря чему зрачок сильно расширился» [10. С. 68]. Интересно, что при первой встрече с абсолютно незнакомым ему человеком Достоевский сразу же обозначает себя эпилептиком: «Он имел разбитый и больной вид. Чуть ли не с первых фраз заявил он, что у него эпилепсия и на днях был припадок, и эта откровенность меня удивила» [10. С. 69]. Особенности речи¹, забывчивость, раздражительность, нарушение концентрации внимания, впечатлительность, открытая демонстрация своего физического и эмоционального состояния² являются подтверждением того, что сам Достоевский не просто не делал тайны из своей болезни, а постоянно, каждое мгновение своей жизни осознавал себя больным, причем это осознание было не констатацией факта, не элементом манипуляции другими людьми (что достаточно часто наблюдается у больных, страдающих серьезными хроническими заболеваниями), а сознательной экзистенциальной позицией, способом обнаружения своего Я во внешнем мире.

Вязкость сознания, фиксированность на мелочах, «прилипчивость» к деталям – эти черты, свойственные людям с эпилептической конституцией психики, проявляют себя в рассказах Достоевского тем людям, «в которых ему чудилось доброе и внимательное отношение» [10. С. 73]. Но думается, что

¹ «Разговор шел отрывочный, причем Достоевский то и дело переходил на новую тему» [10. С. 69].

² «Просматривая переписанное, Достоевский нашел, что я пропустила точку и неясно поставила твердый знак, и резко мне об этом заметил. Он был видимо раздражен и не мог собраться с мыслями. То спрашивал, как меня зовут, и тотчас забывал, то принимался ходить по комнате, ходил долго, как бы забыв о моем присутствии. Я сидела не шевелясь, боясь нарушить его раздумье» [10. С. 70].

эти психофизиологические особенности, предельно точно зафиксированные Анной Григорьевной, отражают не столько последствия болезни, сколько специфику проживания Достоевским целого ряда «пограничных ситуаций», среди которых эпилепсия занимает одну из центральных, но не единственную позицию. Подробный рассказ о «печальных картинах своей жизни» – это органическая потребность сознания Достоевского как рефлектирующей личности, для которой анализ болезни и рассказ о ней является своеобразной формой терапии: перевод ситуации из плана реального, бытового в план эстетический (даже устный рассказ о своей собственной судьбе у Достоевского становится эстетизированным вариантом действительности) позволяет выстроить дистанцию по отношению к происходящему или произошедшему, причем давность событий для экзистенциального сознания не имеет значения, если событие продолжает оставаться таковым и активно переживаться личностью. Эта дистанция необходима ей для *осознания*, поскольку позволяет образоваться некоему промежутку между собственно жизнью и ее пониманием, дает Достоевскому возможность стать наблюдателем по отношению к собственной судьбе, к собственному экзистенциальному опыту, открывает, соответственно, возможность преодоления болезни, пусть не физического излечения, но возможность сопротивления разрушительным, в первую очередь для сознания и самосознания, последствиям.

Показательным является тот факт, что для сознания Достоевского эстетизация «пограничных ситуаций» является атрибутивным свойством. Об этом свидетельствует целый ряд фактов его биографии. Например, Сибирские тетради фиксируют опыт проживания «пограничной ситуации» каторги, которая дробится на целый ряд локальных ситуаций экзистенциального выбора и ценностного самоопределения. Предложение, которое писатель делает Анне Григорьевне, оформляется в виде «замысла» будущего романа: «И вот в ответ на мою просьбу полилась блестящая импровизация. Никогда, ни прежде, ни после, не слыхала я от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа, как в этот раз. <...> В новом романе было тоже суровое детство, ранняя потеря любимого отца, какие-то роковые обстоятельства (тяжкая болезнь), которые оторвали художника на десяток лет от жизни и любимого искусства. Тут было и возвращение к жизни (выздоровление художника), встреча с женщиной, которую он полюбил: муки, доставленные ему этой любовью, смерть жены и близких людей (любимой сестры), бедность, долги... <...> На обрисовку своего героя Федор Михайлович не пожалел темных красок. По его словам, герой был преждевременно состарившийся человек, больной неизлечимой болезнью (паралич руки), хмурый, подозрительный; правда, с нежным сердцем, но не умеющий высказывать свои чувства; художник, может быть, и талантливый, но неудачник, не успевший ни разу в жизни воплотить свои идеи в тех формах, о которых мечтал, и этим всегда мучающийся» [10. С. 95].

Специфика этой «импровизации» заключается в том, что Достоевский не искажает и не приукрашивает фактов своего прошлого: «суровое детство», «бедность», «долги», «состарившийся человек», «больной неизлечимой болезнью» и т.д. Заметим, что и здесь факт болезни акцентируется как значимый для определения характера «художника» за счет повторного словоупот-

ребления: в первый раз болезнь определяется как «роковое обстоятельство», возникшее в раннем возрасте (показательно, что в перечислительном ряду болезнь идет после упоминания о смерти отца!) и отнявшее «десяток лет жизни», во втором случае – как паралич руки. Интересно, что в этой «импровизации» Достоевский только два раза допускает отход от реальной биографической канвы своей жизни: в первый раз, когда говорит о смерти «близких людей», выделяя особо смерть «любимой сестры», и второй раз, когда говорит о «параличе руки». Но этот отход только видимый. Традиционно принято считать, что из всех детей в семье Достоевский был близок только с братом Михаилом, в то время как в воспоминаниях А.Г. Достоевской зафиксирован факт внутренней близости писателя со старшей сестрой Варенькой [10. С. 107]. Необходимости в обозначении реального диагноза нет, поскольку, как уже говорилось выше, Достоевский не делал тайны из своей болезни, и, желая понять отношение к нему Анны Григорьевны, он намеренно опускает указание на эпилепсию. В то же время, поскольку мы имеем дело с эстетизированным вариантом реальности, паралич руки для «художника» – это предельное заострение «пограничной ситуации», лишающее его возможности творить, реализовывать свою личность.

Чуть позже, когда Анна Григорьевна озвучивает свое решение, он уже говорит от себя, от имени своего Я, которому не нужна защитная маска «импровизации». Достоевский поступает в этой ситуации как личность экзистенциальной мироориентации – он не лжет, не приукрашивает свое физическое и эмоциональное состояние, давая своей избраннице возможность выбора: «Знаешь, голубчик мой Аня, – говорил растроганным голосом Федор Михайлович, – когда я почувствовал, что ты для меня значишь, то пришел в отчаяние, и намерение жениться на тебе показалось мне чистым безумием! Подумай только, какие мы с тобою разные люди! Одно неравенство лет чего стоит! Ведь я почти старик, а ты – чуть не ребенок. *Я болен неизлечимую болезнью, угрюм и раздражителен* (курсив мой. – А.К.); ты же здорова, бодра и жизнерадостна. Я почти прожил свой век, и в моей жизни много было горя. Тебе же всегда жилось хорошо, и вся твоя жизнь еще впереди. Наконец, я беден и обременен долгами. Чего же можно ожидать при всем этом неравенстве? Или мы будем несчастны и, промучившись несколько лет, разойдемся, или же сойдемся на всю остальную жизнь и будем счастливы» [10. С. 113].

В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской представлен и подробный анализ припадков, внешний взгляд на то, что Достоевский *переживал*, но не мог *наблюдать* со стороны. Интересен первый опыт, когда Анна Григорьевна присутствует при всех стадиях болезни, фиксируя их с тщательностью профессионального психоаналитика: «Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. <...> Впоследствии мне десятки раз приходилось слышать этот "нечеловеческий" вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал. Но тогда, к моему удивле-

нию, я в эту минуту несколько не испугалась, хотя видела припадок эпилепсии в первый раз в жизни. Я обхватила Федора Михайловича за плечи и силою посадила на диван. Но каков же был мой ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удерживать. Отодвинув стул сгоревшей лампой, я дала возможность Федору Михайловичу опуститься на пол; сама я тоже опустилась и все время судорог держала его голову на своих коленях. <...> Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не сознавал, где находится, и даже потерял свободу речи: он все хотел что-то сказать, но вместо одного слова произносил другое, и понять его было невозможно. Только, может быть, через полчаса нам удалось поднять Федора Михайловича и уложить его на диван. Решено было дать ему успокоиться, прежде чем нам ехать домой. Но, к моему чрезвычайному горю, припадок повторился через час после первого, и на этот раз с такой силою, что Федор Михайлович более двух часов, уже придя в сознание, в голос кричал от боли. Это было что-то ужасное! <...> Тут я впервые увидела, какую страшную болезнью страдает Федор Михайлович» [10. С. 131–133].

Детальное описание припадков, анализ эмоционального состояния Достоевского после них¹, хотя и является косвенным свидетельством, сообщающим факты и наблюдения не от имени Я Достоевского, тем не менее дает ценный материал, позволяющий увидеть ту глубину, непреодолимость и повторяемость страданий, которые был вынужден в силу болезни переносить писатель. Глубокое сострадание к боли любимого человека делает припадки не посторонним фактом, а знаком экзистенциального опыта уже самой Анны Григорьевны, проживающей вместе с мужем каждый приступ как собственную «пограничную ситуацию».

На самом отдаленном от Я писателя уровне находятся свидетельства его современников, поскольку каждое из них, независимо от того, как человек относился к Достоевскому, является внешним взглядом, отношением к болезни, а не фактическим свидетельством. В то же время воспоминания современников являются дополнительными аргументами, подтверждающими достоверность свидетельств писателя о своей болезни.

Центральное место в воспоминаниях современников занимает полемика об истоках болезни Достоевского², которая обнаруживает две полярные точки зрения по этой проблеме. Официально первый приступ болезни был зафиксирован в свидетельстве о состоянии здоровья Достоевского в 1850 г., в период ссылки. Андрей Михайлович Достоевский отрицает раннее проявление эпилепсии у своего брата («падучую болезнь брат Федор приобрел не в

¹ Ср.: «Мысли о том, что с Федором Михайловичем случится припадок, что он, еще не придя в себя, пойдет по гостинице отыскивать меня [Еще не вполне придя в себя от приступа эпилепсии, всегда шел ко мне, так как в эти минуты испытывал мистический ужас и присутствие близкого лица приносило ему успокоение. (Прим. А.Г. Достоевской.)], что там его примут за помешанного и ославят по Москве, как сумасшедшего; что некому будет оберегать его спокойствие после припадков, что его могут раздражить, довести его до какого-нибудь безумного поступка, – все эти мысли бесконечно меня мучили» [10. С. 384].

² Необходимо отметить, что проблема этиологии эпилепсии Достоевского не решена до настоящего времени. Poleмика в современном достоевковедении ведется относительно того, страдал ли Достоевский эпилепсией или особым типом нервного расстройства.

отцовском доме, а в Сибири»), но в то же время сообщает о фобии преждевременного погребения (которая мучила Н.В. Гоголя, Э. По) и связанной с нею «какою-то нервной болезнью». Доктор Ризенкампф, наблюдавший Достоевского до 1845 г., в письме к А.М. Достоевскому от 16 февраля 1881 г. соглашается с версией возникновения у писателя эпилепсии в Омске из-за телесного наказания, которому он подвергся в остроге: «Вы не представляете себе ужас друзей покойного, бывших свидетелями, как, вследствие экзекуции в присутствии личного его врага Кривцова, Федор Михайлович, при его нервном темпераменте, при его самолюбии, в 1851 году в первый раз поражен был припадком эпилепсии, повторявшимся потом ежемесячно» [11. С. 548–549].

Альтернативную точку зрения высказывает дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская в своей книге «Достоевский в изображении своей дочери». Она говорит о семейном предании, согласно которому припадки у писателя начались с момента получения писателем известия о смерти отца летом 1839 г. [12]. Первый посмертный биограф Достоевского Орест Миллер считал, что причины эпилепсии кроются в детстве Достоевского (в частности, он говорит о событии в личной жизни родителей, которое стало толчком к первым припадкам) [13]. Д.В. Григорович описывает в своих мемуарах один из ранних припадков писателя, случившийся с ним в 1844 г., отмечая при этом, что подобные припадки случались с ним и раньше: «Усиленная работа и упорное сиденье дома крайне вредно действовали на его здоровье; они усиливали его болезнь, проявлявшуюся несколько раз еще в юности, в бытность его в училище. Несколько раз во время наших редких прогулок с ним случались припадки. Раз, проходя вместе с ним по Троицкому переулку, мы встретили похоронную процессию. Достоевский быстро отвернулся, хотел вернуться назад, но прежде чем успели мы отойти несколько шагов, с ним сделался припадок настолько сильный, что я с помощью прохожих принужден был перенести его в ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его в чувство. После таких припадков наступало обыкновенно угнетенное состояние духа, продолжавшееся дня два или три» [14. С. 207]. После смерти Достоевского в «Новом времени» появилась статья А. Суворина «О покойном», который утверждал, что Достоевский страдал эпилепсией еще в детстве: «Нечто страшное, незабываемое, мучающее случилось с ним в детстве, результатом чего явилась падучая болезнь» [7. С. 465]. Доктор Яновский в своей заметке «Болезнь Достоевского», опубликованной в «Новом времени», отмечает, что его пациент страдал эпилепсией еще до ареста и ссылки, но припадки, за исключением отдельных случаев, были легкими [15].

В воспоминаниях современников неоднократно анализируется проблема взаимоотношения Достоевского с незнакомыми или малознакомыми людьми. Типографский наборщик М.А. Александров отмечает, что «<...> Федор Михайлович перед незнакомыми ему людьми любил выказать себя бодрым, физически здоровым человеком, напрягая для этого звучность и выразительность своего голоса» [16. С. 252]. Можно с уверенностью говорить о том, что для Достоевского проблема взаимоотношения Я с чужими сознаниями, с внешним взглядом является проблемой экзистенциальной: «...Федор Михайлович считал нужным быть строго-серьезным в обращении с субъектами,

образ мыслей которых был ему совершенно неизвестен (курсив мой. – А.К.), и только уже потом, вполне убедившись в отсутствии грубого предубеждения к себе, начинал относиться к исследованному таким образом субъекту с доверием, степени которого бывали, однако ж, различны» [16. С. 257].

Как и Анна Григорьевна, современники обращают внимание на особенности взгляда Достоевского: «Между прочим, *под влиянием первых впечатлений* (курсив мой. – А.К.), я находил, что Федор Михайлович был человек *мнительный, недоверчивый*. Так, например, я заметил, что он, говоря со мною, пытливо смотрел мне прямо в глаза или вообще в физиономию и, несколько не стесняясь встречных взглядов, не спешил отрывать своего взгляда или переводить его на что-либо другое; становилось неловко под влиянием этого спокойно-пытливого взгляда. Впоследствии, когда Федор Михайлович узнал меня короче, он уже не употреблял этого приема в разговоре со мною, и хотя по-прежнему смотрел прямо в лицо, но это уже был взгляд просто спокойный, а отнюдь не испытующий» [16. С. 256]. Аналогичными впечатлениями о специфике взгляда Достоевского делится в своих воспоминаниях и Х.Д. Алчевская: «Он <...> все время разговора так же пристально, точно какой-то неодушевленный предмет, рассматривал меня, но вот какая разница была в моем и в его пристальном взгляде: в моем – было благоговение и поклонение, он же, вероятно, *привык на каждого человека смотреть как на материал, пригодный для изучения*» [17. С. 335].

Л.Х. Симонова-Хохрякова говорит о полярности эмоциональных реакций Достоевского¹, его доверчивости к «лицам, искренне преданным ему», откровенности, но доминантным и поражающим воображение собеседника являлось, по ее мнению, отношение писателя к своей болезни. Во время одной из встреч он предельно четко формулирует свое отношение к болезни как форме жизни, способу преодоления себя, страха смерти: «Пусть борьба. Мне трудно взбираться, а я нарочно буду – значит, я борюсь. Мне вот нынче трудно выходить, да я почти никуда и не хожу, а вот что – это, должно быть, годы старости подходят – все хочется прилечь, отдохнуть, а после обеда и соснуть, а я борюсь и нарочно, в это-то самое время, вот эти самые ноги, которые не хотят двигаться, заставляю ходить <...> Эти фразы звучали болезненно-раздражительно и производили тяжкое впечатление. <...> Я поняла, что, идя таким путем, он мучает себя, издевается» [18. С. 347]. Отношение к болезни как преодолению страха смерти, как к форме существования особенно показательно для таких заболеваний, как эпилепсия, хронических, определяющих образ жизни человека, неизлечимых. Эта «неизлечимость» отчетливо осознается самим Достоевским – он постоянно находится в многоуровневой «пограничной ситуации»: сам припадок – реальное переживание границы, нахождение в ней, до и после припадков – фазы ожидания и фазы переживания опыта болезни тоже «пограничны» по своей сути. Само отношение к болезни активизирует работу экзистенциального сознания писателя, находящегося

¹ «Федор Михайлович был человек до чрезвычайности впечатлительный, нервный, крайне раздражительный, но добрый, чистосердечный и отзывчивый на каждое искреннее чувство. Быстрые переходы от чрезвычайной ласковости и дружелюбия к взрывам раздражения объясняются его болезненно-потрясенным организмом (вследствие каторги и припадков падающей болезни)» [18. С. 343].

одновременно в двух ценностных позициях: внутри ситуации и над ней – в попытке ее осмыслить.

Среди работ психоаналитического характера выделяется исследование Зигмунда Фрейда «Достоевский и отцеубийство» (1928), которое, с одной стороны, является свидетельством глубокого понимания творчества писателя, с другой стороны, имеет целый ряд серьезных фактических ошибок (в частности, касающихся биографии писателя), которые ведут к определенным нарушениям в интерпретации мировоззрения и творчества Достоевского.

Болезнь Достоевского, по мысли З. Фрейда, не «органическая эпилепсия», а истерический психосоматический симптом невроза писателя. При этом анализ клинической картины (в том числе свидетельства самого Достоевского) показывает, что Достоевский страдал височной лобной эпилепсией: «Припадки у Достоевского чаще всего сменялись не чувством эмоционального облегчения, а дезориентацией и депрессией. Это случалось и во сне, и во время бодрствования. Иногда Достоевский наносил себе нешуточные увечья» [8. С. 134]. При этом нестабильность клинической картины говорит о том, что отдельные припадки Достоевского могут быть квалифицированы как истерические (в частности, припадок после сообщения Достоевскому о смерти его отца). И сама история отношений писателя с отцом, и неоднозначность оценок биографов и литературоведов, свидетельства самого Достоевского, указывают на одну из характернейших особенностей мышления писателя: «Достоевский не всегда однозначен в своих рассказах – то ли от действительной неуверенности, то ли по преднамеренному расчету <...>. Но при всех вариациях рассказа и последующих превратностях недуга писателя история смерти его отца, как травматическая причина патологии, сохраняет свою значимость, поскольку всегда остается психологический смысл, в соответствии с которым эта легенда правдоподобна именно в силу убежденности в этом самого Достоевского. В загадочной и внезапной смерти отца (официально – в результате апоплексического удара, но, скорее всего, это было убийство) лежала неразрешимая загадка наследственности Федора Михайловича [в первую очередь для него самого], постоянная тайна его творческой и экзистенциальной судьбы» [19. С. 53].

Как отмечают биографы писателя, припадки начались у писателя еще в детстве, но носили скрытый, латентный характер, и только после потрясшего его на восемнадцатом году жизни трагического события – убийства отца – приняли форму эпилепсии. Связь между этими событиями послужила З. Фрейду основанием для утверждения, что припадок является самонаказанием за пожелание смерти отцу. Постоянная потребность в наказании, каре была, по мысли Фрейда, органической потребностью личности Достоевского, при этом наказание могло быть в виде припадков, страсти к игре либо юридически налагаемого наказания: «Если правда, что Достоевский в Сибири не был подвержен припадкам, то это лишь подтверждает то, что его припадки были его карой. Он более в них не нуждался, когда был караем иным образом» [20. С. 107]. Отсюда, как полагает Фрейд, особая симпатия Достоевского к преступникам, с которыми его объединяет понятие вины и наличие обших импульсов к совершению преступления.

Свидетельства о припадках, которые мы находим в воспоминаниях А.Г. Достоевской, у современников и биографов Достоевского, позволяют говорить об особом влиянии, которое они оказывали на его творчество. При всей спорности и неоднозначности наблюдений над особенностями эпилепсии Достоевского нельзя не отметить ряд принципиально важных моментов: причины возникновения эпилепсии кроются в глубинах подсознания и возникают вследствие перенесенных психоэмоциональных травм; эпилептические припадки накладывают определенный отпечаток на образ мыслей и поведение человека. Это подтверждается и современными исследованиями, посвященными Достоевскому. Психогенетические особенности определяют уникальность экзистенциального сознания Достоевского, доминантными чертами которого являются следующие:

1. Эпилептоидный тип патологии характера: крайняя раздражительность с приступами тоски, гнева и страха, нетерпеливость и упрямство, обидчивость и склонность к скандалам, резкая смена настроения от сентиментальности до немотивированной злобности. К необратимым изменениям личности специалисты относят аффективную «вязкость» мышления с застреванием на деталях и фиксацией «сверхценных идей» (этот термин обозначает суждения и мысли, занимающие в сознании больных не соответствующее их значению преобладающее положение и являющиеся патологической трансформацией естественной реакции на реальные события). Нам думается, что в этом случае будет более правильно говорить о так называемом «тоннельном сознании», зафиксированном на одной идее, которая в определенный момент времени определяет мысли, поступки, переживания человека. В контексте творчества Достоевского эта особенность становится фундаментом построения образов героев-идеологов, «мучеников идеи», делает «мучеником идеи» самого Достоевского (об этом свидетельствуют подготовительные материалы и черновые редакции романов, «Дневник писателя» как текст «пограничного жанра», подвергавшийся тщательной редакторской правке самим автором).

2. С одной стороны, Достоевский как человек с эпилептической конституцией психики (и его герои-эпилептики, в частности князь Мышкин) руководствуется, прежде всего, субъективными переживаниями и настроением, нежели критическим, разумным сознанием объективно воспринимаемой действительности, более проблесками выявляющихся из подсознательной сферы его внутреннего мира оригинальных, часто глубоких и верных, идей, нежели из обдуманных и сколько-нибудь обоснованных убеждений.

3. С другой стороны, Достоевского, как и его героев, отличает полярность аффектов, при которой наблюдается резкая перемена настроения от оптимизма, жизнелюбия, радости и воодушевления к мрачности, пессимизму, скрытой или явной агрессии: «Такое совершенно неконтролируемое раздвоение чувств, раздвоение, при котором «изменяются все впечатления» – сладость на боль, сопричастность на отчуждение, смех на слезы, радость на уныние – преследовало Достоевского всю жизнь» [21. С. 32].

4. «Выстраданность» каждого утверждения, являющегося результатом экзистенциального опыта автора¹.

5. Парадоксальность мышления писателя (по определению Д. Ранкура-Лаферьера, это «парадокс разоблачений и сокрытий»): «он раскрывает читателю то, что тот уже знает, но при этом не делает для него явным сам процесс раскрытия» [8. С. 132].

6. Специфический для Достоевского стиль торможения, который реализует основную задачу – детально, с разных сторон обрисовать ситуацию, дать ее целостную картину и тем самым достучаться до сознания собеседника.

7. Тексты Достоевского (и художественные, и публицистические) не сводятся к сумме тех или иных мыслей, а существуют одновременно в нескольких смысловых измерениях. Экзистенциальная традиция предполагает использование слова многозначного, поливалентного, «не равного себе». Для понимания того, что хотел сказать автор, важен не только сам текст как таковой, но и смысловые обрывы, пропуски, пробелы – «значимое отсутствие». Текст экзистенциального сознания рассчитан не на поверхностное формальное прочтение, а на целостное переживание. В процессе чтения происходит «дешифровка чувств»: человеку необходимо ощутить чувства (радость, печаль, отчаяние, восторг и т.д.), понять, что они означают. Человеку необходимо занять определенную позицию по отношению к самому себе и к окружающему миру. Поэтому тексты Достоевского представляют собой не «сумму идеологии», а единое художественное целое, что определяет главные идеологические акценты произведений. Рождение смысла и его обретение через рефлексию происходит в процессе «переживания» текста и поставленных в нем «болевых» вопросов о смысле его личной жизни, о ценностях мира, в котором ему приходится жить, о духовном выживании человека, о смерти души человека через «обезбоживание мира», о поиске смысла жизни. Реальные жизненные впечатления писателя, его индивидуальная экзистенциальная практика реализуют себя в производстве смыслов, апеллируют к опыту конкретного субъекта, воспринимающего текст. Нравственный вывод выявляется опосредованно через ситуацию выбора, вытекает из поведения персонажей, а не дается в виде готовой сентенции. Следовательно, минимальной формально-содержательной единицей воплощения экзистенциального сознания является рефлексема² – текстовый репрезентант амбивалентной сущности философски-художественного феномена (и как повседневно-экзистенциального сознания, и как типа художественного мышления). Содержательные рефлексемы в творчестве Достоевского соответствуют атрибутивным характеристикам экзистенциального сознания и проявляют себя в тематически-проблемном поле текстов, в деонтологических и аксиологических парадигмах художественного мышления писателя (проблема должного и недолжного существования, проблема выбора, проблема ценностного самоопределения в «пограничной ситуации» и т.д.). Формальные рефлексемы обна-

¹ Ср.: «Душевное состояние героя, его одиночество, разочарование в близких людях, жажда новой жизни, потребность любить, страстное желание вновь найти счастье были так живо и талантливо обрисованы, что, видимо, были выстраданы самим автором, а не были одним лишь плодом его художественной фантазии» [10. С. 95].

² Термин «рефлексема» вводится в научный оборот впервые.

руживают себя в выборе приемов, которые делают зримой методологию описания внутренней жизни человека, философско-эстетическую стратегию автора: использование личного местоимения «Я» как знака вхождения в сферу экзистенциального опыта экзистенциальной личности, не претендующей на сообщение одной, одинаковой для всех, истины.

8. Постоянное нахождение по причине болезни в «пограничной ситуации» требует поиска и оптимальной жанровой структуры репрезентации экзистенциального сознания в творчестве Достоевского. Этой структурой являются «пограничные жанры», лежащие за пределами традиционной эстетики: «В промежуточных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и во второй половине XIX в. порой особенно обнаженно выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [22. С. 8]. «Пограничный жанр» представляет собой полифункциональную структуру, синтезирующую как собственно художественные, так и публицистические, философские, нехудожественные элементы. Несмотря на то, что в творчестве Достоевского представлены художественная и нехудожественная формы рефлексии, Достоевский в первую очередь писатель, а не философ. Идеология в произведениях Достоевского не существует в чистом виде. Целевая установка произведений Достоевского актуализируется исключительно в собственной художественной стихии и не может быть воспринята и интерпретирована вне ее. В то же время синтез художественного и философского начал обнаруживает перед исследователем методологические трудности: логика понятий, суждений и логика образов – противоположны по своей сути. Строгие логические категории наполняются в текстах Достоевского (особенно репрезентативен в этом отношении «Дневник писателя») живым образным смыслом.

9. Воплощением доминант экзистенциального сознания является и художественный метод Достоевского, предполагающий установку на экзистенциальный диалог с читателем: писатель ставит перед собой задачу привести личность читателя на те позиции, где она сможет самостоятельно переоценить личностную картину мира, отрефлексировать собственные духовные потребности и стремления, сможет сформулировать уникальный смысл собственной жизни, т.е. в результате экзистенциального диалога происходит развитие смысловой сферы личности как самого автора, так и читателя. Писатель стремился к живому диалогу, направленному на индивидуальный и коллективный поиск истины, пытался научить своих читателей самостоятельности мышления и ответственности за свои воззрения, услышать их живые голоса и замечания по поводу поставленных проблем. Экзистенциальный диалог Достоевского предполагает взаимопроникновение субъектов, «событие бытия» (М.М. Бахтин); открытость новому содержанию без однозначной, заранее определенной установки; проявление эмпатических реакций (поддержка, сочувствие, сопереживание) к идеологическим моделям собеседника (собеседников); допустимость альтернативных авторской идеологических позиций; двунаправленность – обращенность на себя и вовне одновременно; момент полемики; в отдельных случаях – переход к прямой авторской оценке.

Таким образом, анализ системообразующих начал экзистенциального сознания показывает, что психогенетические особенности личности Достоевского играют ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя как динамичной философско-художественной системы. Предельно точно эту глубинную взаимосвязь выразил А. Белый в своей работе «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Достоевский, если бы не страдал эпилепсией, не был бы Достоевским» [23. С. 14].

Литература

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на страницах столетий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы» // Эко У. Имя Розы: роман. Заметки на полях «Имени Розы»: Эссе / пер. с ит. Е. Костюкович; послеслов. Е. Костюкович, Ю. Лотмана. СПб., 1998. С. 596–644.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979.
5. Закс Л.А. Художественное сознание. Свердловск, 1990.
6. Николаенко Н.Н., Деглин В.Л. Семиотика пространства и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тарт. ун-та. Труды по знаковым системам. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. Вып. 641. С. 48–67.
7. Суворин А.С. О покойном // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 465–473.
8. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М., 2004. С. 128–160.
9. Письма Ф.М. Достоевского к барону А.Е. Врангелю // Две любви Ф.М. Достоевского. СПб., 1992. С. 102–173.
10. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987.
11. Ланской Л.Р. Достоевский в неизданной переписке современников // Лит. наследство. М., 1973. Т. 86.
12. Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
13. Миллер О. Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883.
14. Григорович Д.В. Из «Литературных воспоминаний» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 192–213.
15. Яновский С.Д. Болезнь Достоевского // Новое время. 1881. № 1793.
16. Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 251–322.
17. Алчевская Х.Д. Достоевский // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 325–342.
18. Симонова-Хохрякова Л.Х. Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 343–355.
19. Rice J. Dostoevsky and the Healing Art. Ann Arbor (MI): Ardis, 1985.
20. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.
21. Накамура К. Восприятие природы в «Преступлении и наказании» // Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб., 1997.
22. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971.
23. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911.